

ГАРЗА

ОСТРОВ НОВЫХ НАДЕЖД

Альберто
ВАСКЕС-ФИГЕРОА

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА!

Альберто Васкес-Фигероа
Гароэ. Остров новых надежд
Серия «Библиотека
приключенческого романа (Рипол)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8871813

Гароэ. Остров новых надежд: РИПОЛ классик;

ISBN 978-5-386-13919-3

Аннотация

«Гароэ» – новая великолепная книга А. Васкеса-Фигероа, получившая премию за лучшее произведение в жанре исторического романа.

Таинственный Эль-Йерро – самый удаленный остров Канарского архипелага. В конце XV века на этой окраине мира высаживаются испанцы, чтобы присоединить остров к владениям испанской короны, и среди них – молодой лейтенант Гонсало Баэса. Он полон надежд и желания приобщить «дикарей» к цивилизации, не ведая, что на острове и так царит гармония, которой управляет чудесное дерево – Гароэ.

Потрясающая книга о любви, утрате и человеческом мужестве перед лицом ужасных испытаний.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

75

Альберто Васкес-Фигероа Гароэ

Остров новых надежд

© Alberto Vazquez-Figueroa, 2010

© Родименко Т. В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Генерал Гонсало Баэса, волей случая появившийся на свет в Антекере, в немалой степени сохранил гордую осанку своей не такой уж далекой юности и, хотя зрение, естественно, уже начало сдавать, ежедневно проводил долгие часы за чтением в тени изящной бело-зеленой беседки в той точке своего ухоженного сада, откуда открывался вид на океан, а в глубине острова просматривалась громада Тейде.

Птолемей был последним царем Мавритании. В первые годы христианской эры так называли территорию, включавшую в себя Марокко и запад Алжира. Ее население составляли полукочевые пастушеские племена берберов, известные римлянам как *mauris*, от этого слова и происходит название «мавр».

В жилах Птолемея текла кровь берберов, греков и римлян, поскольку он был сыном царя Юбы II и царицы Клео-

патры Селены. В свою очередь, Юба II был сыном Юбы I, берберского царя, который во время гражданской войны сражался на стороне Помпея против Юлия Цезаря.

Клеопатра Селена была единственной дочерью Клеопатры, последней царицы греко-македонской династии, которая заняла трон Египта после смерти Александра Великого и римского генерала Марка Антония.

Тем самым через Марка Антония Птолемей состоял в дальнем родстве с Юлием Цезарем.

А также приходился двоюродным братом императору Клавдию и троюродным – императорам Нерону и Калигуле. Он получил образование, положенное римлянину, и в 19 году отец посадил его рядом с собой на трон, а после его смерти Птолемей стал единоличным властителем. Он помог наместнику римской провинции положить конец долгой войне, опустошавшей Африку, которую здешние племена, возглавляемые нумидийцами, вели против Рима. В знак признания его заслуг сенат пожаловал ему скипетр из слоновой кости и триумфальную тунику, устроив торжественный прием, во время которого его чествовали как царя, союзника и друга. К тому времени он уже был женат на Юлии Урании, принадлежавшей к царской семье Сирии.

В 40 году Калигула пригласил Птолемея в Рим, и, согласно Светонию, когда тот прибыл в амфитеатр на представление гладиаторов, на нем был плащ из натурального шелка такого насыщенного пурпурного цвета, что Птолемей привлек к

себе восхищенное внимание публики и вызвал зависть у императора.

Как известно, чтобы получить столь великолепную вещь, нужно было взять самый лучший шелк, привезенный с далекого Востока, и в течение долгого времени вымачивать в непомерно дорогой краске, добываемой только на Пурпурных островах – окраинном архипелаге в Атлантическом океане; до него за всю историю удалось добраться очень немногим мореплавателям.

По утверждению Светония, выставив напоказ вещь такой исключительной ценности, Птолемей, в сущности, хотел этим сказать, что его власть простирается дальше власти Рима, то есть достигает обоих пределов известного мира. Вот почему самолюбивый тиран Калигула приказал его убить, завладел драгоценным плащом и захватил Мавританию.

И тем самым положил конец династии Птолемеев, потому что тот был последним монархом, правившим под этим именем, и последним царем у себя в роду.

Генерал Баэса был поглощен чтением толстого тома в черном кожаном переплете, лежавшего у него на коленях. И лишь услышав, как кто-то приближается к нему со стороны дома, он поднял голову; его лицо невольно приняло удивленное выражение, когда он увидел, кто именно прервал его штудирование древнеримской истории. Это был монсеньор Алехандро Касорла, который с улыбкой направлялся к нему

широким шагом и одновременно протягивал вперед руки в знак несомненного дружеского расположения.

– Мой дорогой Алехандро! – не выдержав, воскликнул генерал, рывком вскочив с места. – Вот так сюрприз! – Мой дорогой Гонсало! – в тон ему ответил пришедший. – Как приятно обнаружить тебя там же, где и всегда, и к тому же в добром здравии! – воскликнул он вслед за этим. – Сколько же времени мы не виделись?

– Почти четыре года, если мне не изменяет память, – ответил хозяин столь уютного сада. – Что привело на этот далекий остров самого упрямого и влиятельного арагонца королевства?

Тот поднял вверх указательный палец в знак того, что необходимо внести уточнение:

– В любом случае я мог бы считаться вторым самым упрямым и влиятельным арагонцем королевства – первое место уже занято, и, надеюсь, надолго. – На это уповаем, и все-таки что привело тебя на остров?

– Государственные дела и добрые вести, которые мне приятно время от времени лично сообщать в столь трудные времена. Можно? – Он задал вопрос, указывая на кресло, стоявшее с другой стороны столика, на который Гонсало положил книгу, и тот тут же ответил:

– Естественно! Хочешь что-нибудь выпить?

– С твоего позволения, я попросил Файну принести нам свежего лимонада... – ответил гость, протягивая ему запе-

чатанный документ, который держал в руке. – Вот они, добрые вести.

Тот, кому, судя по надписи, сделанной изящным почерком, было адресовано письмо, сломал королевскую печать, ознакомился с напыщенным и высокопарным текстом официального назначения, вздернув брови, и на лице его тут же отразилось удивление вместе с ясно читаемым невольным неприятием.

Собеседник наблюдал за ним несколько обескураженный такой красноречивой реакцией и смутился еще больше, когда генерал вернул ему документ со словами:

– Прошу тебя, передай Его Величеству мою глубочайшую благодарность за оказанную честь, но я не могу это принять.

– Но почему?

– Это значило бы вернуться в то место и в то прошлое, которое я всю жизнь безуспешно пытаюсь забыть. – Гонсало Баэса покачал головой и непререкаемым тоном заявил: – Нет! Я не вернулся бы туда ни за что на свете!..

Едва оправившись от удивления, монсеньор Алехандро Касорла сделал небольшую паузу, чтобы осознать услышанное, а затем протянул руку, намереваясь положить ее – в знак явного дружеского расположения – на колено собеседника, и пробормотал, словно опасаясь, что его может услышать кто-то из посторонних:

– Умоляю тебя пересмотреть свое решение, дорогой друг. Если ты откажешься от назначения, то впадешь в немилость

к Его Величеству, чем воспользуются недоброжелатели, которых, я уверен, у тебя более чем достаточно.

– Враги меня никогда не пугали, и я не думаю, что пора начинать их бояться, – сухо и твердо прозвучало в ответ.

– Одно дело то, что они тебя не пугают, другое – что ты сам даешь им карты в руки... – весьма резонно заметил клирик. – Если Корона весьма благосклонно относится к твоим попыткам защитить права туземцев и в качестве вознаграждения предлагает тебе пост, на котором ты можешь отвратить скрытое рабство, отказаться от предложения – значит отказаться от всего того, во что ты веришь и за что борешься.

Он умолк с появлением Файны, хлопотливой и невоздержанной на язык кухарки, которая принесла поднос с сухофруктами, двумя стаканами и большим кувшином лимонада и поставила на стол.

– Миндаль, грецкие орехи, инжир и лимоны из нашего собственного сада, ваше преосвященство. А лед мне доставили прямо с Тейде. Не желаете ли на обед отведать ущицы с гофио¹ и жареного козленка?

– Еще бы! – не раздумывая, с воодушевлением ответил тот, кому был адресован вопрос. – Если бы все искушения были такими, как твои, в аду негде было бы приткнуться. – Он окинул взглядом Гонсало, словно не мог поверить своим глазам. – Не знаю, как это ты не разъелся, как боров, с этакой

¹ *Гофио* – мука из обжаренных зерен, а также название блюда. – *Здесь и далее примеч. пер.*

кухаркой.

– У нас редко бывают гости, которые бы давали мне возможность предаться чревоугодию. – Хозяин дома приветливо улыбнулся своей ключнице и попросил: – Проветри комнату для гостей: его преосвященство останется ночевать.

– Уже, уже начала... А на ужин готовлю кролика в сальморехо² – ослица уписается.

Она удалилась, не дожидаясь ответа и пренебрежительно отмахнувшись, когда хозяин одернул ее непривычно суровым тоном:

– Что за выражение!

– Кто бы говорил!

– Ладно тебе, сразу видно, что она тебя любит и ходит за тобой, как за сыном, – заметил прелат. – Правду ли говорят, будто ты ее выкупил, когда ее должны были продать?

– Мне не нравится об этом говорить.

– Тебе много о чем не нравится говорить, но предупреждаю, что я проделал такое длинное путешествие – сейчас у меня голова просто идет кругом – не для того, чтобы ты со мной тут играл в молчанку, – подчеркнуто строгим тоном заметил прелат. – Корона намерена положить конец злоупотреблениям, восстановить справедливость на архипелаге, и, если те, в чьих силах этого добиться, отказываются действовать, тогда по-прежнему будут существовать крепостные, рабы, а детей будут вырывать из рук матерей, едва они прекра-

² Сальморехо – острый соус.

тят кормить их грудью.

Генерал, казалось, внял разумным доводам человека, которому всегда слепо верил и которым восхищался. Он долго смотрел на заснеженную вершину гигантского вулкана, сиявшую, словно зеркало, и, громко вздохнув, сказал:

– Я буду всеми силами защищать туземцев на любом посту, куда бы меня ни направили, только, пожалуйста, пусть это будет не Иерро.

– Ты должен назвать мне убедительные причины, если хочешь, чтобы я поддержал тебя, – сухо прозвучало в ответ. – Мне стоило немалых трудов выхлопотать тебе данное назначение, поэтому я рискую оказаться в нелепом положении и потерять авторитет и доверие, которые завоевывал не один год, ведь придется сознаться в том, что я все это затеял, не заручившись твоим согласием.

Антекерек Гонсало Баэса был вынужден с ним согласиться: да, конечно, он здорово подвел своего наставника и друга. Он собирался было вновь ответить отказом, но, выпив лимонада и отодвинув от себя стакан, объявил:

– Я расскажу тебе, что случилось, при условии, что ты отнесешься к этому как к тайне исповеди и воспользуешься только тем, что я сочту возможным.

– Это смахивает на шантаж, но поскольку я тебя знаю и уверен, что ты еще упрямее, чем если бы был арагонцем, ничего не поделаешь, придется согласиться, – недовольно пробурчал гость. – Так что же такое стряслось на Иерро?

– Да там ужас что творилось.

– Мы живем в бурное время, когда «ужас что» – это хлеб наш насущный каждого дня, то есть, чтобы произвести на меня впечатление, это должно быть «очень ужасно».

– Именно так оно и было. Уверяю тебя.

– Ну, тогда дело плохо, ведь я знаю, что ты участвовал в жестоких войнах и кровавых битвах, – прошептал прелат чуть слышно. – Так что же произошло?

– Ты обещаешь держать это в тайне?

– Обещаю. И давай выкладывай, что бы там ни было, поскольку я уже сгораю от нетерпения!

Чувствовалось, что Гонсало Баэсе, загнанному в угол, приходилось бороться с собой, чтобы начать рассказ, однако после непродолжительного молчания он заговорил:

– Случилось так, что, когда я был юным лейтенантом, преисполненным энтузиазма, меня назначили заместителем командира отряда, перед которым была поставлена задача закрепить на острове с тем, чтобы обеспечить права Испании на эту территорию и, таким образом, положить конец притязаниям португальской Короны и непрекращающимся набегам охотников за рабами. Нам был дан приказ убедить туземцев в том, что у нас нет намерения их поработить, и вдобавок мы должны были способствовать обращению их в христианство. Как тебе известно, Иерро – это небольшой вулканический и весьма суровый остров, где негде укрыться кораблям; к нему не подойти, когда океан волнуется, а это

бывает слишком часто...

* * *

Волны неистово бились о берег, усыпанный галькой и черным песком, будучи лишь деталью величественной картины, поскольку далеко-далеко вдали просматривался остров Гомера, а еще дальше – Тенерифе, увенчанный громадой Тейде, на который открывался вид с юго-западной стороны.

Небольшая каравелла плясала на волнах в пол-лиги³ от берега, в то время как качкие фелюги – каждая с дюжиной человек на борту – продвигались вперед на веслах, как им ни тяжело было преодолевать сопротивление моря, ветра и течений.

На носу первой выделялась фигура юного Гонсало Баэсы, руководившего опасным маневром по высадке, а на второй – капитана Диего Кастаньоса, угрюмого великана с мохнатыми бровями и густой бородой, в которой уже начала пробиваться седина.

Среди остальных плывущих к острову обращал на себя внимание своим аскетическим обликом – ни дать ни взять живые мощи – доминиканский монах Бернардино де Ансуага, а также чудаковатый молодой человек, откликавшийся на диковинное имя Акомар.

³ *Лига* – мера длины; морская лига равна 5555 метрам.

С вершины ближайшего утеса группа островитян с беспокойством следила за тем, как суда боролись с волнами: временами казалось, что они вот-вот опрокинутся, — но все же они ткнулись в песок, и пассажиры смогли выпрыгнуть на берег, чтобы в срочном порядке выгрузить оружие и продовольствие, поскольку море прямо на глазах расходилось все больше.

Едва освободившись от груза, фелюги тут же повернули назад, к кораблю, команда которого занималась тем, что с помощью канатов и полиспастов со всяческими предосторожностями спускала вниз, в воду, громадного вороного коня.

То и дело поглядывая в сторону моря, как там продвигается дело, капитан Кастаньос, все еще мокрый до нитки, поспешно пророкотал, словно извергая из себя приказ (попробуй тут возрази!):

— Молина, возьми пять человек и прикрой северный фланг, а ты, Наварро, с пятью другими — южный. Прочие перетаскивайте хозяйство вон за те скалы, а монашек пусть поставит тюк на землю, не то пуп развяжется. И не забывайте про дикарей там, наверху!

— Это не дикари, а туземцы... — возразил священник, опуская тяжелый тюк на песок.

— Для меня, святой отец, всякий, кто родился к югу от Кадиса, дикарь, — желчно ответил капитан. — Сейчас не время обсуждать глупости, уйдите с дороги.

Доминиканец беспрекословно подчинился, понимая, что не место и не время отвлекать от дела того, кто успевал уследить за всем, что творилось вокруг, да еще, подойдя к самой кромке воды, прокричал во все горло:

– Поосторожней там с Аттилой! Если с ним что-нибудь случится, получите по двадцать ударов кнутом...

Дело в том, что гигантское животное, привязанное к обеим фелюгам, смело преодолевая волны, подплыло к берегу, а тем временем несколько человек зашли в воду, чтобы взять его под уздцы, успокоить и вывести на сушу, где оно тут же начало отряхиваться и бегать то туда, то сюда вдоль пляжа с развевающейся на ветру гривой.

– Наше главное оружие! – вырвалось у гордого владельца; на этот раз он обращался к своему заместителю. – На дикарей он производит больше впечатления, чем полк пехоты, ведь там, где проскакал конь Аттилы, трава уже больше не росла.

– Но если коня зовут Аттила, значит, для того, чтобы трава больше не росла, скакать следует коню этого самого коня... – рассудительно произнес Гонсало Баэса.

Диего Кастаньос посмотрел на него в замешательстве, можно было бы сказать, почти обескураженно. Он пошевелил в воздухе пальцами, словно пытаясь привести в порядок мысли, и наконец разразился гневным монологом:

– Не лезь ко мне с глупостями, Баэсуля, и займись-ка устройством лагеря. Мне сейчас не до словесных фокусов. А

этот чертов толмач пусть прекратит придуливаться, поднимется наверх и передаст дикарям, что я хочу потолковать с их вожаком.

– Без сопровождения? – встрепнулся Акомар, которого, судя по всему, имел в виду капитан.

– Естественно! Если они мирные, тебе незачем беспокоиться, – последовал жесткий ответ. – А если настроены враждебно, тогда прикончат что одного, что четырех, а значит, чем меньше потерь, тем лучше.

– Ничего себе утешение! – жалобно проговорил Акомар; у него был ярко выраженный андалузский акцент.

– Ты приплыл сюда не за утешением, сынок, а чтобы послужить Короне. Полагаю, ты должен чувствовать себя счастливым: как-никак после стольких лет встретишься со своими друзьями.

– Друзьями? – возмутился тот. – Меня увезли с острова в девять лет, чтобы продать в Севилье, так что мои друзья сейчас режутся в карты в Триане. Впрочем, делать нечего. Иду – и да не оставит меня Макарена!⁴

– Я с тобой... – тут же вызвался брат Бернардино де Ансуага.

– Нет уж, спасибо, святой отец, – без всяких околичностей бросил ему островитянин. – Я предпочитаю Макарену.

Он положил оружие на камень и начал свое нелегкое вос-

⁴ Макарена – один из наиболее почитаемых в Испании скульптурных образов Девы Марии; находится в Севилье.

хождение. По пути он махал руками, чтобы продемонстрировать островитянам, что приближается к ним с мирными намерениями. Проводив его обеспокоенным взглядом, монах сказал только:

– Надеюсь, он еще говорит на их языке.

– Меня уверяли, что некоторые туземцы еще кое-что помнят по-французски с тех пор, как здесь побывали норманны Гадифера де Ла Саль⁵, – заметил Гонсало Баэса.

– По мне, хоть по-китайски, – как всегда бесцеремонно, перебил его старший по званию. – Ты что, говоришь на языке лягушатников?

– Немного: моя бабка по матери была француженкой.

– В таком случае давай-ка оседлай мне коня.

– При чем тут французский язык? – не понял Гонсало Баэса, готовый оскорбиться.

– А то, что твоя бабка по матери была француженкой: наверняка это была прелестная кобылка. – Бородатый вояка громко расхохотался и подмигнул, добавив: – Шучу, Баэсуля! А сейчас пойду-ка припарадую для встречи с дикарями: на них доспехи производят впечатление, поскольку на островах нет металлов... – Он повернулся к ближайшему из солдат, занятых выгрузкой, и отрывисто приказал: – Сёднигусто, позаботься о том, чтобы Аттилу оседлали, а мне при-

⁵ *Гадифер де Ла Саль* – норманнский рыцарь и крестоносец, который вместе с Жаном де Бетанкуром начал завоевание Канарских островов для Кастильского королевства.

несли кольчугу!

— Вы хотите сказать, что эти бедные люди все еще живут в каменном веке? — спросил удивленный брат Бернардино.

— Да не то слово!.. — ответил великан. — Швыряют камнями, только держись: раскроют тебе череп с пятидесяти шагов! Меткости им не занимать! — Он наклонился и показал широкий шрам на лбу: — Видите? Память об одном лансаротце.

— Боже праведный! — вырвалось у напуганного монаха. — Но если у них нет шпаг, чем же они дерутся?

— Деревянными копьями, пуская в ход ловкость, смелость и большую хитрость, святой отец. Они чертовски хитры! Сами видите, остров до ужаса суров, а они знают здесь каждую пядь земли. Иными словами, сколько бы шпаг, арбалетов и огнестрельного оружия у нас ни было, мы завсегда окажемся в наименее выгодном положении...

— Надеюсь, нам не придется с ними сражаться, — вмешался лейтенант; в его голосе звучала неподдельная искренность.

— Это зависит от них, только от них. Раз уж Папа постановил, что архипелаг принадлежит Испании, они обязаны подчиниться нашим законам, потому что, если бы мы позволили всем поступать, как вздумается, мир превратился бы в хаос. Посмотрим, с чем они придут!

Говоря это, он облачился в блестящие доспехи, водрузил на голову шлем с плюмажем и препоясал себя шпагой.

Покончив со всеми приготовлениями, он взгромоздил-

ся на коня и в сопровождении своего заместителя, монаха и полдюжины солдат, вооруженных копьями, арбалетами и разноцветными штандартами, торжественно двинулся вперед – к тому месту, куда спускался Акомар, за которым следовали трое мужчин и одна женщина.

Процессия застыла посередине пляжа. За их спинами бушевало море, солнце отражалось в кирасах. Это было величественное зрелище, которое, несомненно, произвело впечатление на туземцев.

Настолько сильное, что островитяне, которым оставалось пройти последний откос – чуть меньше двухсот метров, – замерли на месте, обменялись несколькими словами с переводчиком, а затем развернулись и стали поспешно взбираться по узкой и крутой тропинке, по которой спускались.

Огорченный Акомар развел руками, показывая, что он бессилен что-либо изменить, пожал плечами, смиряясь со своей судьбой, и продолжил путь в компании лишь одной полуголой, нечесаной и беззубой девицы, к которой, по правде говоря, мать-природа отнеслась не слишком благосклонно.

– Что случилось? – осведомился капитан, когда они подошли достаточно близко, чтобы услышать его зычный голосище. – Отчего эти болваны дали деру?

– Потому что вы их напугали, капитан, и своим конем, и снаряжением. Они сказали, что они всего лишь простые пастухи и что вам следует переговорить со старейшинами острова. И пошли за ними.

– И когда же их приведут?

– Завтра.

– Ладно. Подождем! – И презрительно кивнув в сторону девушки, спросил: – А это еще кто такая?

– Полоумная! Клянется, что она меня узнала и что наши родители обручили нас еще в детстве, потому что мы кузены. Она уверена, что я вернулся, чтобы жениться.

– Значит, ты провел на острове всего час, а уже успел обзавестись невестой, – насмешливо прокомментировал военачальник. – Поздравляю!

– Какая к черту невеста! – возмутился тот. – Моя невеста танцует фламенко в Севилье.

– Корабль отплывает... – вдруг произнес тот, которого называли Сёднигусто.

Все повернулись в указанном направлении, и солдаты замерли с тюками в руках, провожая взглядом корабль, который поднял часть парусов и начал удаляться.

Их лица выдавали тревогу и даже страх, поскольку они осознали, что остались одни на острове, населенном существами, чьи намерения им неизвестны. И никакой связи с внешним миром, кроме пары хрупких фелюг, лежавших на песке: на таких суденышках, уж точно, далеко не уплывешь. А вокруг океан, который с каждым часом становился все враждебнее.

Спустя два часа, когда солнце начало скатываться к горизонту, брат Бернардино сидел на скале и любовался закатом.

том; внизу, у подножия, бились волны. Через некоторое время рядом с монахом пристроился Гонсало Баэса, также очарованный красотой зрелища, и спросил:

– Вы обеспокоены?

– А кто же нет, сын мой? А кто же нет? – ответил монах, не скрывая своего уныния. – Это самый край самого крайнего острова известного мира; там, дальше, ничего нет.

– В таком случае, где же заканчивается океан? – поинтересовался собеседник. – Мне не верится, будто, как утверждают, он низвергается в бездонную пропасть. Если бы это было так, уровень воды рано или поздно неминуемо понизился бы, но что-то не похоже, чтобы это происходило.

– Возможно, все дело в том, что океан бесконечен.

– А если он бесконечен, как вы объясните то, что солнце каждый раз всходит из-за него? – тут же последовал вопрос, не лишенный логики. – Мы люди сухопутные, поэтому с детства привыкли к мысли о том, что за картиной, которую мы видим, следует другая, а за ней, там дальше, еще одна, и еще, и еще, и свыклись с этим. Однако сейчас мы столкнулись с фактом, что никакой новой картины больше не возникает, и, сколько я ни размышляю над тем, что земля бесконечна, это объяснение мне ничего не дает.

– Не дает, потому что тебе не хватает веры, – заметил доминиканец. – Мы должны верить в то, что устанавливает Святая церковь, и если она утверждает, что в данный момент мы сидим на самом краю света, значит, так оно и есть... А

мой долг – довести это до ума нескольких бедных неверных, которым еще не открылась Христова истина.

– Вы хотите сказать, что только вера объясняет необъяснимое?

– Вот именно, – без тени сомнения изрек монах. – И не советую тебе ходить по скользкой дорожке, ибо ты подвергаешь себя серьезному риску.

– Вы донесли бы на меня Святой инквизиции? – осмелился предположить собеседник, изобразив подобие насмешливой улыбки.

– Ну тебя, Гонсало, кончай молоть чепуху! Я такими делами не занимаюсь, хотя многие из моего ордена не преминули бы это сделать. Единственное, чего я хочу, – это заставить тебя понять, что ты человек военный и так же, как и я, обязан подчиняться, а не рассуждать.

– Однако как тут не рассуждать, – заметил собеседник. – Ведь мы действительно достигли пределов известного мира и находимся в окружении существ, которые мало изменились – вполне возможно, они одни такие – с тех пор как Создатель поселил на земле Адама и Еву. На мой взгляд, в подобной исключительной ситуации нам следовало бы попытаться отойти от принятых норм поведения.

– И что ты предлагаешь?

– Поступать так, как подсказывает нам здравый смысл, а не по указке тех, кто вместо простых пещер живет в римских дворцах.

Брат Бернардино де Ансуага отнесся к этому спокойно, можно было даже подумать, что он решил не отвечать, однако в тот самый момент, когда край солнца исчез за горизонтом, он уверенно сказал:

– Если кто и живет в римских дворцах, так это потому, что он культурнее и учение тех, кому приходится обитать в пещерах. И раз уж мои умственные способности не позволили мне продвинуться дальше, пусть тогда мной руководят знающие люди; чего ради я буду исходить из того, что, как предполагается, я мог бы узнать.

Воткнув в песок длинные копья, солдаты натянули навес, поставили несколько складных табуретов и низкий стол. Он был завален маленькими зеркалами, цветистыми тканями, стаканами, бутылками, ложками, кастрюлями и ожерельями из желтых, зеленых и красных бусин.

Добавить к этому флажки и вымпелы, развешанные по углам, беспокойного Аттилу, привязанного к столбу на расстоянии трех метров, и множество шпаг, арбалетов и доспехов, разложенных со знанием дела – чтобы в них отражались лучи утреннего солнца. Эта на скорую руку созданная обстановка, отчасти напоминавшая театральную декорацию, служила одной цели – произвести впечатление или, может, поставить на место приближавшуюся троицу старейшин: те были явно ослеплены могуществом и богатством, выставленным напоказ надменными вояками, пожаловавшими издалека.

Акомар был отправлен навстречу делегации. Он почти-

тельно поклонился и препроводил островитян к тому месту, где в импровизированном шатре их ожидали капитан Диего Кастаньос, юный лейтенант Гонсало Баэса и брат Бернардино де Ансуага.

После приличествовавших случаю ритуальных приветствий семеро участников переговоров, которые можно было бы назвать «Первой мирной конференцией», уселись на табуреты вокруг стола таким образом, что пришедшие видели прямо перед собой огромное количество предметов – незнакомых, соблазнительных и, по их представлениям, роскошных.

Первым заговорил военный с густыми бровями и седой бородой. Он обращался к переводчику, но при этом вперил взгляд в того из троих туземцев, который по положению явно был главным и который, по словам Акомара, отзывался на звучное имя Бенейган.

– Передайте ему, что мы прибыли не с умыслом нанести им вред и уж тем более не для того, чтобы их поработить, – уточнил он. – И что наша миссия заключается лишь в том, чтобы защитить их от вторжения охотников за рабами, высаживающихся на берег по ночам и похищающих у них самых сильных сыновей и самых красивых дочерей. Лучшим доказательством наших намерений служит то, что мы высадились при свете дня, а наш корабль ушел в море. Им незачем нас бояться, поскольку мы ищем не покорных рабов, а верных союзников.

Было очевидно, что юный Акомар не забыл сложный язык островитян, но он не мог похвастаться блестящей памятью, поэтому ему потребовалось немало времени, чтобы, преодолевая сомнения, а иногда прибегая к бурной жестикуляции, передать смысл столь длинного послания; при этом он говорил с ярко выраженным андалузским акцентом, что в какой-то степени выглядело комично.

Далее он внимательно выслушал все, что Бенейган высказал в ответ, заставил его повторить кое-какие слова и, наконец, повернулся к капитану, чтобы передать то, что, насколько он понял, хотел сказать туземец. — Он выражает благодарность за наши добрые намерения, он в них не сомневается, но недоумевает, по какой причине такие богатые и могущественные люди, прибывшие издалека, беспокоятся о тех, кому нечего предложить взамен, кроме коз, овец и свиней. — Господь наш Христос не делает различий между теми, у кого есть только козы, овцы или свиньи, и теми, кто владеет лошадьми, дворцами или сундуками, полными драгоценностей... — вмешался брат Бернардино, попытавшийся внести ясность.

Капитан Кастаньос тут же прервал его, вытянув вперед руку со словами:

— Оставим Божественные темы на потом, падре, и не будем валить в одну кучу политику с религией. Первым делом надо их успокоить и внушить мысль о том, что отныне они становятся подданными великодушных и снисходительных

монархов, которые о них пекутся и уважают их обычаи.

– Но...

– И никаких «но»! – На этот раз его категоричный тон не допускал возражений. – Если дикари заподозрят, что мы намереваемся заменить идолов, которым они поклоняются уже не одно столетие, новым Богом, каким бы истинным Он ни был, они у нас живо взбунтуются – мы не успеем даже составить представление, с какими силами имеем дело. – Бородатый великан оскалил зубы, вероятно изображая примирительную улыбку, и добавил: – Если Господь наш всемогущ и бесконечен, как всем нам известно, то не думаю, что Он рассердится из-за каких-то нескольких месяцев задержки. Терпение, ибо Святая церковь заполучит себе души этих бедных неверных, когда следует.

Монах повернулся к Гонсало Баэсе, словно ища поддержки – по крайней мере, моральной, – но тот ограничился почти незаметным кивком, давая ему понять, что согласен со своим командиром: чересчур поспешные действия слишком часто приводят к неудачам.

Когда их отправили сюда вступить во владение островом, им дали с собой только весьма приблизительную карту его берегов, в которой погрешностей было куда больше, чем точных указаний. Да еще им было твердо сказано, что, мол, неизвестно, сколько мужчин, женщин, стариков, детей или голов скота обретается среди высоких гор, глубоких ущелий или густых лесов гигантского «утеса», который издали ка-

зался скорее неприступной средневековой крепостью, осаждаемой разъяренным морем, нежели обитаемым местом.

Никто в Севилье не имел ни малейшего понятия о том, скольким воинам со стороны островитян будет противостоять горстка испанских солдат, а значит, и спорить нечего: линия поведения капитана Кастаньоса, несомненно, была самой разумной с точки зрения военной стратегии.

И тот, сознавая свою непререкаемую власть, вновь впериł взгляд в «приглашенных» и с нажимом произнес:

– Разъясни им, что у нас нет намерения красть у них еду. Мы готовы заплатить за нее разумную цену. – На этот раз он улыбнулся, как огромный кролик с желтыми зубами, и уточнил: – Тот, кто захочет снабдить нас продуктами по своей собственной воле, сможет выбрать взамен любой из предметов, находящихся на столе.

Когда Акомар с трудом завершил путаный перевод, туземцы недоверчиво переглянулись, и самый молодой тут же спросил на своем языке:

– Он говорит серьезно? Я могу взять одно из ожерелий в обмен на одну из моих свиней?

– При условии, что она здоровая и упитанная... – ответил капитан, как только Акомар перевел ему смысл вопроса. – Мы люди щедрые, но не безмозглые.

После выяснения вопроса островитяне обменялись серией длинных фраз. Они были настолько возбуждены, что, даже не зная языка, можно было утверждать: им никогда не до-

водилось получать такого привлекательного, соблазнительного и щедрого предложения.

В отполированных зеркалах они увидели собственное отражение, мягкие ткани могли бы заменить их одежды из овечьих шкур, бусы украсили бы шеи их жен, а в блестящих металлических кастрюлях можно было бы варить пищу. Люди, которые до сего момента знали лишь глину, камень и дерево, о таком и мечтать не смели.

Когда прошел первый момент ликования, туземец, известный как Бенейган, судя по всему пользовавшийся непрекаемым авторитетом, указал на одну из шпаг, которые были воткнуты в песок, и пожелал узнать, распространяется ли на них соглашение. Однако на сей раз ответ Кастаньоса не оставил ни малейшего сомнения.

– Ни шпаги, ни топоры, ни копья, ни ножи, ни что-либо другое из того, что может быть обращено против нас, – заявил он таким тоном, что сразу стало ясно: данный вопрос не подлежит обсуждению. – Мне еще в юности внушили: желаешь мира – готовься к войне, а это, прежде всего, означает – располагать лучшим оружием, чем у противника... – Он жестом словно отодвинул от себя что-то воображаемое и при этом сказал Акомару: – Последнее нет необходимости переводить, скажи ему только: мол, об оружии не может быть и речи.

Туземцы согласились – лишних объяснений им не понадобилось – с тем, что пришельцы не расположены делиться

определенными вещами, и тогда глава островитян вызвался отвести испанцев в одно место в глубине острова, где они могли бы расположиться, имея под боком небольшой источник чистой воды, поблизости с густыми лесами и плодородными землями. — На каком расстоянии от ближайшего берега оно находится? — тут же поинтересовался дотошный капитан.

Из ответа, не отличавшегося особой точностью, следовало, что можно дойти до берега моря и вернуться обратно на протяжении одного утра. Это, судя по всему, совсем не устроило командира экспедиционного отряда: он напирал на то, что предпочитает разместиться как можно ближе к океану.

Однако участники импровизированной «Первой мирной конференции» дали понять, что на всем побережье нет такого места, которое может обеспечить водой столько человек в течение продолжительного времени. — Здесь с водой всегда были большие проблемы, особенно летом... — со своей стороны подтвердил переводчик. — Помнится, когда я был ребенком, мы пережили такую ужасную засуху, что моей матери приходилось идти целый день, чтобы принести два жалких бурдюка из козьей шкуры; этого едва хватало, чтобы выжить... — Он сделал короткую паузу и осторожно добавил: — Не мне вам советовать, как поступить, капитан, но если мой опыт островитянина что-нибудь стоит, я вам рекомендую первым делом позаботиться о водоснабжении, поскольку у

вас еще будет время оглядеться и выбрать место получше.

Диего Кастаньос тут же спросил своего заместителя:

– А ты как считаешь, Баэсуля?

– Считаю, что человек научился бороться со всем, кроме жажды, которая наводит ужас и убивает так же, как и шпаги. История учит, что из-за жажды исчезло больше цивилизаций, чем из-за действий людей.

– Кончай свои словесные выкрутасы и давай ближе к делу! – недовольно процедил капитан со свойственной ему бесцеремонностью. – Я допускаю, что этот чурбан прав и у нас еще будет время найти позицию получше, то есть в данный момент я согласен, чтобы дикари отвели меня на то место, которое они предлагают, а тем временем ты отправишься в плавание вокруг острова.

– В плавание вокруг острова на утлых шлюпках по бурному морю? – всполошился юный офицер, махнув рукой в сторону грозных волн, которые с все возрастающим грохотом разбивались о берег. – Это безумие!

– Насколько мне известно, у нас нет ни других шлюпок, ни тем более другого моря. Короче, я разрешаю тебе отобрать шесть человек по своему усмотрению, и выполняй себе задание хоть до второго пришествия, только вот тебе мой первый приказ: нарисуй мне подробную карту каждого мыса, бухты, пляжа и утеса, включая тщательный промер глубин, чтобы выбрать место, где судно среднего водоизмещения сможет подойти к берегу, не рискуя сесть на мель...

– Да я же человек сухопутный и не переносу качки!.. – возроптал антекерец.

– Ну так я тебя уверяю, что ты либо излечишься от этого, либо похудеешь...

Его прервал переливчатый свист, раздавшийся с вершины кручи. Сопровождаемый недоуменным взглядом капитана самый молодой из туземцев встал, вышел из-под навеса и, подняв голову в сторону свистевшего, поднес пальцы ко рту и засвистел в ответ; все это напоминало какой-то шифрованный разговор.

Обмен трелями, которые пронзали воздух, преодолевая расстояния, недостижимые для любого человеческого голоса, длился почти пять минут, поэтому, когда упорный свистун вернулся на место, капитан Кастаньос не выдержал и яростно завопил:

– И что все это значит? Уж не приказал ли он, чтобы нас атаковали?

– Вовсе нет!.. – поспешил успокоить его переводчик. – Тот, наверху утеса, просто поинтересовался, как идут дела, и парень ответил, чтобы он сходил за тремя козами, потому что хочет быть одним из первых, кто обменивает их на бусы.

– И все это он сказал с помощью свиста? – изумился военный. – Подумать только!

– Таким способом мы передаем сообщения с одной горы на другую.

– Да он и впрямь хорош!..

– А я-то думал, что этот язык используется только на острове Гомера... – вмешался брат Бернардино де Ансуага. – Один послушник, который родился там, но которого продали в рабство, уверял меня, что он способен кое-что понять, однако, что касается меня, я никогда не слышал, чтобы это практиковалось здесь, на Иерро.

– Язык свиста возник на Гомере, поэтому там он развит в большей степени, но мы тоже им пользуемся... – уточнил Акомар, гордясь тем, что он может продемонстрировать свои способности и познания. – Ведь до Гомеры рукой подать – камень можно добросить.

– Это должен быть совсем крошечный камушек, запущенный с помощью гигантской пращи, но сейчас речь не об этом, – пробормотал бровастый капитан, вынимая из сумки на поясе пучки растений, которые он разбросал поверх зеркала, и при этом добавил, обращаясь прямо к туземцам: – А еще объясни им, что те, кто принесет мне много-много этих водорослей, получат красивые подарки...

* * *

– Водорослей? – озадаченно переспросил монсеньор Касорла, собиравшийся отправить себе в рот аппетитный кусок жареной козлятины. – Что ты хочешь этим сказать?

– То, что сказал, – ответил хозяин дома. – Капитана Кастаньоса очень интересовало то, что он называл водоросля-

ми, хотя спустя годы я выяснил, что на самом деле это были лишайники.

– Что за ерунда!

– Я тоже так думал... – кивнул генерал Баэса с другого конца стола; они сидели в просторной столовой, наслаждаясь отменными кушаньями Файны, которая выглядела самой счастливой женщиной на свете, снуя туда и сюда с тарелками и подносами. – И мне даже не приходило в голову, что какое-то с виду безобидное растение в дальнейшем могло породить бесконечное число проблем и причинить жестокие страдания.

– Вероятно, из этих водорослей, лишайников... или что такое там было... получают что-то вроде наркотика или яда?.. – спросил озадаченный прелат.

– Вовсе нет, но капитан проявил к ним такой живой интерес, что, как только туземцы изъявили готовность доставить их в любых количествах, приказал снять лагерь и приготовиться к походу. Затем отвел меня в сторону и приказал, невзирая на непогоду, отправляться в море и во время плаванья вокруг острова и составления карты обратить особое внимание на те места на берегу, где особенно много загадочных зеленых листиков. «Советую тебе взять с собой братьев Аресов, которые, как всякие добрые галисийцы, наверняка что-то понимают в мореходстве, – сказал он мне. – Остальных выбирай по своему усмотрению, только сделай это прямо сейчас, потому что в тот момент, когда скроется вершина

этого утеса, я хочу увидеть, как ты держишь курс на юг». – Генерал сделал паузу, вновь воскрешая в памяти случившееся в тот суматошный и, как оказалось, несчастливый день, и, покачив головой, словно ему самому трудно было принять правду, добавил: – Карлос и Амансио Аресы действительно были «добрыми галисийцами», отсюда и предположение, что они «наверняка что-то понимают в мореходстве». Однако позже выяснилось, что они родились в Луго, поэтому видеть не видели никакой другой воды, кроме реки Миньо, до того дня, как их привезли в Севилью, где они оказались лицом к лицу с Гвадалквивиром, а затем с океаном, который их ошеломил. Из четырех остальных двое были леонцы, а самый сильный и решительный, Бруно Сёднигусто, – саморец, уверявший, что он всю свою жизнь занимался греблей на озере Санабрия.

– Сёднигусто! – не удержавшись, повторил удивленный прелат. – Любопытная фамилия!

– То была не фамилия, а прозвище, поскольку он имел привычку приговаривать: «Сегодня густо, а завтра пусто», – объяснил собеседник. – Но он умел грести, был силен, как мул, и оказался действительно замечательным парнем.

– А откуда был шестой?

– Предполагаю, из какого-нибудь селения в Сьерра-Морене, но я не вполне уверен, – сказал собеседник, смиренно пожав плечами. – Его звали Ящерица, и в тот день я даже не успел спросить его об этом, потому что не прошло и ка-

ких-нибудь десяти минут (нас ужасно качало, а ветер временами разыгрывался не на шутку), как этот паршивец начал блевать, будто намереваясь вывернуться наизнанку, вдруг неожиданно бросился в море, поплыл по-собачьи к берегу и исчез среди скал. – Господи, воля твоя!

– Дьявола, а не Господа! Вот уж не думал, что такое случится!

– Твой первый дезертир и первое пятно в твоём личном деле...

– И самый болезненный прокол... – вынужден был без обиняков признать его сотрапезник. – За считанные минуты он поставил под сомнение мою способность выбирать подчиненных. Среди стольких вымуштрованных и оробевших рекрутов, стоявших передо мной в строю в тот день, я указал на единственного, который предпочел жить как дикарь на незнакомом острове, лишь бы не подчиняться моим приказам.

– Может, тебе послужит утешением мысль о том, что ты обратил внимание на человека с характером.

– Полно тебе, Алехандро! – воскликнул собеседник, притворно целясь костью козленка ему в голову. – Не пудри мне мозги. Просто этот мерзавец не переносил качки, и я его понимаю: при этом возникает такое чувство, будто ты умираешь. Поэтому он решил, что лучше уж прозябать на суше, нежели загнуться в море, в чем я тоже его не виню, потому что в такой обстановке, когда и волны, и ветер, и течения, и

чертово солнце, которое немилосердно пекло, в голову лезло всякое дерьмо.

– Что за выражение, мой генерал!.. – с лукавой улыбкой попеняла ему старая Файна, убирая пустую тарелку. – Ну как тут научишься хорошо говорить с таким вот хозяином?

Фелюги напоминали бумажные кораблики, влекомые бурным течением по канаве. Они кренились на бок, вразнобой взбирались и спускались по волнам, несмотря на героические усилия гребцов, в движениях которых было больше отчаяния, нежели проворства. На каждую шлюпку приходилось всего лишь по три неопытных человека, тогда как, чтобы заставить судно двигаться в нужном направлении, требовалось никак не меньше десятка морских волков.

Чтобы фелюги не унесло в разные стороны ветром и течениями, их соединили между собой толстым канатом сажень в двадцать длиной, привязав его к корме судна, которым командовал лейтенант Баэса, и к носу второго, которым управлял капрал Карлос Арес. Можно было подумать, будто первое судно тянуло на буксире второе, поскольку мускулистый Бруно Сёднигусто был единственным гребцом, способным успешно справляться с трудностями, хотя с каждым взмахом весла становилось все очевиднее, что они слишком отдаляются от берега.

Все шестеро, обливаясь потом и отдуваясь, предпринимали отчаянные попытки вновь подплыть к утесам, которые защитили бы их от ветра, и высмотреть крохотный пляж или

укромную бухту, где можно было бы обрести убежище, однако безжалостный океан, словно магнит, затягивает корабли в свои бесконечные просторы, так что понадобилось не так уж много времени, чтобы осознать, что они находятся на расстоянии уже больше пол-лиги от последнего известного острова.

А они прекрасно знали, что, если так пойдет и дальше, их навеки поглотит то, что географические трактаты и морские карты обычно с полным основанием именуют Мрачным океаном.

Если верить легендам и даже некоторым географам, пользовавшимся авторитетом, бескрайнее море, начинавшееся за островом Иерро, кишмя кишело гигантскими кальмарами, китами-убийцами и жуткими водяными змеями длиной в тридцать саженей и простиралось до такого места, где рычащий бездонный водопад сбрасывал его к пределу Вселенной.

– Давай! Давай! Давай! – не унимался офицер, подгоняя своих подчиненных. – Навались! Навались! Гребите, иначе мы пропали!..

Если кто-то желал ободрить товарищей, чувствуя, что их силы на исходе, а ладони содраны до крови, ветер заглушал его крики. Поэтому вскоре ответом ему было только прерывистое дыхание тех, кто уже не мог сопротивляться, да время от времени всхлипы тех, кто был уверен, что смерть уже расположилась на борту их утлых суденышек.

Крепкая веревка, соединявшая шлюпки, не раз натягива-

лась, а с приходом новой волны трещала, угрожая порваться и тем самым бросить более слабых гребцов на произвол моря, а оно было угрюмого темно-синего цвета и становилось все безжалостнее.

Их обогнала стая дельфинов, которые, играя, весело подпрыгивали, и люди не могли не почувствовать по крайней мере зависть к этим безмятежным созданиям, которые, казалось, радовались жизни, как дети, в самом центре того, что мореплавателям представлялось крошечным адом.

С неба за их тщетными усилиями наблюдали дюжины чаетек.

Берег отступал все дальше.

Боже праведный! Непроступный вулканический остров словно ожил и отдалялся, будто это его относил ветром.

– Гребите, гребите, гребите! – надрывно кричал лейтенант Баэса. – Ради всего святого, гребите, иначе мы пропали! Это уже был не приказ, скорее жалобная мольба.

Даже упорный Бруно Сёднигусто начал выдыхаться.

Через несколько минут двое гребцов во второй шлюпке, которая практически шла на буксире, повалились друг на друга, будучи не в силах бороться с волнами...

Или с судьбой.

Только старший из галисийцев все еще сопротивлялся.

Он продолжал грести один, в ярости и отчаянии, упрямая своих товарищей не сдаваться до последнего, но вскоре, по-видимому, понял, что их шлюпка превратилась в тяжкую

обузу и при попытке подойти к впереди идущей фелюге в таком бурном море они подвергнут опасности оба судна.

Несколько мгновений он сидел неподвижно, обхватив голову руками и упершись локтями в колени, словно ему было нелегко смириться с поражением, а затем встал на носу, вынул из-за пояса острый нож и крикнул:

– Прощай, Амансио! Прощай, брат!

Он перерезал веревку и замер на месте, следя за тем, как первая фелюга, освобожденная от столь невыносимого мертвого груза, набирает ход, устремившись к далекому берегу.

Лицо Амансио Ареса было мокрым от слез, но он был не в состоянии их вытереть, боясь сбиться с ритма. Он греб скорее сердцем, нежели руками, не отрывая взгляда от человека, с которым прожил бок о бок большую часть своей жизни, и вот теперь его фигура уменьшалась на глазах.

– Давай, давай, давай!.. – кричал ему неутомимый Сёдни-густо. – Последнее усилие!

Вероятно, поскольку им приходилось грести, сидя спиной к острову и лицом к морю, и в силу этого обстоятельства наблюдать, как лодку с тремя товарищами словно заглатывает некое безжалостное чудовище синего цвета, который с каждым гребком все больше сгущался, их охватил такой ужас, что, не желая разделить подобную участь, они сжали зубы и постарались извлечь силы оттуда, где их не было.

Сколько миллионов несчастных на протяжении истории точно так же противостояло океану и сколько погибло, когда,

казалось, спасение было близко, только руку протянуть?

Моряк, ты моря не бойся, бойся скалы.

Моряк, ты моря не бойся, бойся скалы.

Море качает тебя, скала – разобьет.

Море качает тебя, скала – разобьет.

*Милая, губы не вспомнят, ты в сердце храни
память мою.*

*Милая, губы не вспомнят, ты в сердце храни
память мою.*

*Дно мне милей крутых берегов. Дно мне милей крутых
берегов⁶.*

Самоотверженная команда ветхой и обшарпанной каравеллы, на которой они прибыли на Иерро, не раз напевала эту старую моряцкую балладу, ставя паруса, чтобы придать себе бодрости в этом нелегком деле. Однако ни кастилец, ни андалусец, ни галисиец, которые сейчас так отважно боролись за свою жизнь, не могли и подумать во время долгого, однообразного и тягостного плавания, начавшегося в Севилье, что не пройдет и трех дней после высадки на берег, как они окажутся перед ужасным выбором: обрести вечный покой на темном дне океана или разбиться об утесы под яростным натиском ревущих волн шестиметровой высоты.

Что это было – предостережение или насмешка судьбы?
Не все ли равно?

⁶ Перевод Анны Земляной.

– Впереди рифы, мой лейтенант! – неожиданно крикнул саморец. – Что будем делать?

Гонсало Баэса понял, что у него всего пара минут, чтобы выбрать какой-то из двух вариантов, один другого нежелательнее и рискованнее: перестать грести и, позволив ветру и течениям унести шлюпку обратно в открытое море, разделить судьбу товарищей, которые уже начали исчезать из виду, приблизившись к колеблющейся и волнистой линии горизонта, или попытаться пробраться через лабиринт остроконечных скал, покрытых белой пеной, которые неизбежно разнесут фелюгу в щепки.

– Ты что думаешь?

– Дело дрань, мой лейтенант! Что бы мы ни предприняли, сегодня густо, завтра пусто.

– А ты, Амансио, что скажешь?

– Что земля есть земля, какой бы суровой она ни была.

– Верно! – согласился командир; в его голосе звучала убежденность. – Земля есть земля, а чертово море – рыбам! Плыдем вперед, и будь, что Богу угодно. Лево на борт!

– А это что значит?

– Что надо повернуть налево, бестолочь. Попытаемся проскочить по проливу, который ведет вон к той бухте. Правда, это все равно что просунуть канат в игольное ушко, но у нас нет иного выхода.

Разумеется, толстый канат нипочем не пролез бы в узкое игольное ушко, однако в последний момент одна непривыч-

но сострадательная волна решила сжалиться над горемыками, на долю которых выпало столько несчастий, мягко подняла их шлюпку, пронеся ее на несколько сантиметров выше острых выступов скалы, и опустила внутри маленькой природной бухты диаметром каких-нибудь двадцать метров, куда следом начали проникать другие, гораздо менее дружелюбные волны.

Берег острова с этой стороны являл собой результат резкого остывания изливавшейся из жерла вулкана раскаленной лавы во время ее низвержения в океан. Черные и гладкие наплывы лавы представляли собой поразительное и одновременно мрачное зрелище – естественное следствие яростного столкновения самых противоборствующих стихий: огня и воды.

И внутри этого созданного природой цирка танцевала хрупкая и неустойчивая шлюпка, повинувшись капризу прибоя, который проникал через узкий пролив и играл ею, как скорлупкой, заставляя отскакивать от каменной стены, чтобы снова дать ей щелчка в тот момент, когда она плыла ему навстречу.

Не было никакого толку ни от гребцов, ни от весел.

Первым, кто это понял, был Бруно Сёднигусто, который бросился в воду, схватил канат и поплыл на спине, таща за собой шлюпку в направлении к единственной точке – крохотному пляжу, где он надеялся вытащить ее на берег.

Осознав, что от этого зависит их жизнь, Гонсало Баэса

и галисиец последовали его примеру, и после десяти минут тяжких усилий, терпя удары моря и боль в обод ранных ладонях, они сумели отвести фелюгу, весьма потрепанную и почти с пробитым днищем, в безопасное место.

Когда же, вконец обессилив, все трое припали к склону пятиметрового откоса, они являли собой живой пример того, чем и были: жалких остатков кораблекрушения.

И вот стоило им спастись, как мрачная игра тут же разо-
навилась взбалмошным стихиям. Ветер прекратился, прибой ослабил напор, а прилив, совсем недавно достигавший своей верхней точки, начал отступать, увлекая за собой воды небольшой бухты.

Они напрягли зрение, но лишь только когда солнце начало склоняться к горизонту, смогли различить выделяющееся на бесконечной синей поверхности темное пятно шлюпки, неподвижно застывшей посреди пустоты.

– Почему они не гребут?.. – чуть ли не всхлипывая, вопрошал Амансио Арес. – Почему не попытаются еще раз? Может, сейчас, когда море успокоилось, у них получится добраться до берега.

– Они сдались, а когда кто-то признает свое поражение, где уж тут ему воспрянуть духом, – мрачно заметил лейтенант. – Вот поэтому никогда нельзя сдаваться.

– Разве это лучше? – спросил безутешный галисиец, которому с трудом давалось каждое слово. – Я предпочел бы оказаться там и видеть, что Карлос остался живым и невре-

димым, нежели здесь, зная, какой конец его ожидает посреди океана.

– Но ведь ни у лейтенанта, ни у меня нет брата на этой шлюпке, что существенно меняет дело... – без тени язвительности напомнил ему саморец. – Твои родители живы? – спросил он и, когда тот кивнул в ответ, добавил: – Может, им послужит утешением, что, по крайней мере, одному из их сыновей удалось спастись.

– Но не вздумай рассказать им правду... – поспешно перебил его Гонсало Баэса. – Пусть уж лучше думают, что твой брат умер без мучений, чем представляют себе, каково им было, когда их унесло в море.

– А что я им скажу, если потом окажется, что он не погиб? – не успокаивался Амансио Арес. – Как я могу сказать им, что он утонул, если я не до конца в этом уверен? Если, как утверждают некоторые моряки, существует земля – там, дальше, за этими островами, – возможно, ему удастся туда добраться, и в один прекрасный день он вернется домой живым и здоровым.

– Этот чертов океан похож на жизнь, парень... – с поразительной бесцеремонностью перебил его Бруно Сёднигусто. – Какое там вернуться, если на то, чтобы дойти до конца, уходят все силы.

– Не понимаю, что ты хотел этим сказать?

– Какая разница? Я тоже не понимаю и половины того, что происходит вокруг, и не схожу из-за этого с ума. А что те-

перь мы будем делать, мой лейтенант? – Переночуем здесь и отдохнем, – мягко сказал лейтенант. – Похоже, у Ареса вывихнуто плечо, у меня распухла лодыжка, и у всех нас содрана кожа на ладонях. Проклятые весла!

– Схожу-ка за водой и провизией, а то как бы с приливом шлюпку не унесло вместе со всем содержимым, – вызвался неутомимый саморец и, скользнув взглядом по ноге своего командира, мрачно прокомментировал: – Лодыжка начинает смахивать на спелый баклажан. Очень больно?

– Только когда я танцую... Ты справишься один?

– Лучше, чем с вашей помощью, конечно... – Он повернулся к третьему спасшемуся, который сидел с отсутствующим видом, вперив взгляд в горизонт, и поинтересовался у него: – Как твоя рука?

– Какая рука? – переспросил тот, словно вернувшись откуда-то издалека.

– Та, что висит у тебя плетью...

Амансио Арес опустил глаза, посмотрел на руку, будто увидел ее впервые, не сделал даже попытки ею подвигать, но вскоре проговорил:

– У меня все болит. Может, это рука, а может, и нет...

Сочтя ответ несуразным, Бруно Сёднигусто только пожал плечами и начал спускаться между камней к тому месту, где находилась злосчастная шлюпка.

Когда наконец он вернулся, с трудом дотащив на себе фляжку и промокший мешок с провизией, уже начало тем-

нет.

Они с жадностью попили, без аппетита поели и, как только вокруг сгустились сумерки, не могли не поддаться странному чувству уныния, заметив там, далеко-далеко на горизонте, дрожащий огонек.

Это трое отчаявшихся мужчин подожгли свою одежду, в последний раз с тоскою моля о помощи.

Но никто не мог прийти им на помощь.

Молодой офицер Гонсало Баэса привалился к лавовой стене и крепился изо всех сил, чтобы не застонать от невыносимой боли, охватившей его ногу, которая приобрела фиолетовый цвет. Однако он не сумел справиться со слезами, навернувшимися на глаза, стоило ему перебрать в памяти все события этого дня – его первого дня в роли командира, – закончившегося ужасным несчастьем.

Он потерял две трети личного состава.

Четверых из шести.

Один дезертир и трое обреченных на самую ужасную смерть, какую только можно себе представить. Единственное, что он мог сказать в свое оправдание, сводилось к тому, что ему не хватило смелости отказаться от исполнения приказа, сопряженного с чрезмерным риском.

Зачем было так спешить?

Почему понадобилось срочно пускаться в плавание вокруг неизвестного острова, не располагая необходимыми средствами?

Антекереец был подготовлен к тому, чтобы противостоять вооруженному противнику на поле боя, но никак не отправиться в глубь океана на неустойчивом суденышке, таком плоском, что на нем даже нельзя было поставить хоть какой-то парус, – и вот вам, пожалуйста, результат.

Он мечтал о блестящей военной карьере, а она провалилась в первый же день, хотя в данный момент это волновало его меньше всего.

А вот что на самом деле не давало ему покоя, так это огонек, блесевший и отчаянно мигавший почти час, прежде чем погаснуть, подобно пламени тающей свечи. Чувство безысходности, испытываемое лейтенантом, усиливали сдавленные рыдания несчастного галисийца, находившегося рядом; тот, по-видимому, понимал, что этот световой сигнал был последним приветом от брата.

Моряк, ты моря не бойся, бойся скалы.

Моряк, ты моря не бойся, бойся скалы.

Море качает тебя, скала – разобьет.

Море качает тебя, скала – разобьет.

Милая, губы не вспомнят, ты в сердце храни

память мою.

Милая, губы не вспомнят, ты в сердце храни

память мою.

Дно мне милей крутых берегов.

Дно мне милей крутых берегов.

Эти трое обреченных не были моряками, а дно Мрачного океана было слишком огромно, чтобы покоиться там с миром.

* * *

Когда Баэса разбудил первый луч солнца, он увидел, что Амансио Арес спит рядом, а вот Бруно Сёднигусто исчез.

Лейтенант поискал его взглядом, опасаясь, что саморец стал очередным дезертиром, но вскоре услышал крики, доносившиеся откуда-то сверху, и, подняв голову, обнаружил, что тот сумел вскарабкаться по гладкой и опасной лавовой стене – а это добрая сотня метров – и оттуда дружески машет ему рукой.

Когда галисиец наконец открыл глаза, они с лейтенантом, не отрывая взгляда, наблюдали, как Бруно с крайней осторожностью спускается, рискуя низвергнуться в пропасть.

Поставив наконец ногу на откос, он первым делом крепко выругался, а уж потом, тяжело переводя дыхание, пробормотал:

– А ведь подниматься и впрямь легче, чем спускаться, поскольку, когда карабкаешься, видишь, за что зацепиться, а слезая, действуешь наугад и того и гляди загремишь.

– Шлюпка еще видна? – жадно спросил Амансио Арес.

– Нет! Увы. Должно быть, она уже далеко.

– Может, ветер и течения пригнали ее обратно к земле.

– Не исключено!.. – произнес саморец, лишь бы что-то сказать, хотя было ясно, что он сам в это не верит.

– Ты обнаружил какой-нибудь способ выбраться отсюда? – поинтересовался командир, который тоже считал экипаж второй шлюпки без вести пропавшим. – В том состоянии, в каком вы находитесь: один, считай, однорукий, другой хромым, – только и остается, что двигаться морем... – уверенно ответил Сёднигусто. – Здесь берег сплошь скалистый, но где-то чуть больше лиги на запад виден выступ, за которым море ведет себя более спокойно. Если бы мы сумели туда добраться, глядишь и нашли бы, где высадиться.

– Ты что, хочешь, чтобы мы отправились туда на этой фелюге?! – возмутился галисиец, словно речь шла о каком-то преступлении или святотатстве.

– Что поделаешь!

– Но ведь она почти затонула! – возразил Арес, и был совершенно прав. – Мы не отплывем и на пятьдесят метров от берега.

– И что ты хочешь, чтобы я тебе сказал? Что сегодня густо, а завтра пусто? Бери то, что есть. Что касается меня, то я без проблем могу вновь залезть наверх и выбраться отсюда.

– И ты на это способен?..

– Если не останется другого выхода!..

– Ты сукин сын!..

– Хватит! – властно прервал их Гонсало Баэса. – Вообще-то здесь я еще отдаю приказы. Ни ты, ни я не в состоянии

вскарабкаться по этой стене, не свернув себе шеи. Что нужно сделать, так это разгрузить шлюпку и заткнуть по возможности все щели. Попытаемся какое-то время продержаться на плаву: мы с Сёднигусто изо всех сил будем грести, а ты – вычерпывать воду.

– Это большой риск.

– Ничего другого не остается. Если мы обогнем упомянутый выступ и попадем в спокойные воды и в надежное укрытие, возблагодарим Господа. В противном случае, да защитит нас Пресвятая Дева.

– Единственным утешением служит то, что в случае неудачи мы потонем, но нас не отнесет течением в открытое море.

– Мы постараемся, чтобы все получилось... – произнес лейтенант, вытянув руку и тем самым указывая, чтобы ему помогли встать, и добавил: – Нам следует поспешить: мы можем выбраться отсюда только во время прилива, когда уровень воды достаточно высок.

На них было просто жалко смотреть: подавленные, оборванные, израненные, убежденные в том, что их преследует злой рок. Они напрягали все свои силы – при этом чертыхаясь сквозь зубы и выкрикивая крепкие словечки – в изнурительной и отчаянной попытке вновь столкнуть в воду разбитую шлюпку, которая, казалось, желала лишь одного: чтобы ее оставили в этом укромном уголке на отдаленном берегу затерянного острова, а там уж пускай солнце, море и ветер

превращают ее в грудку щепок.

За их спинами возвышалась стена из черной лавы, перед ними простиралась необъятная ширь океана, а их единственным средством спасения была куча досок.

– Господи, только этого не хватало! – неожиданно воскликнул верзила саморец.

– Что еще такое? – всполошился галисиец, оглядываясь по сторонам в ожидании очередной неприятности.

– Да вот, перетрудились: сначала греб, потом еще лазил на утес – теперь шишки в кишке замучили.

– Сукин ты сын! – не выдержал антекерец. – Как ты меня напугал! Меняю твои шишки на мою лодыжку. – Нет уж, спасибо, лейтенант. Что до шишек, то мне сейчас полегчает, вот только опущу задницу в воду, а ваша лодыжка выглядит все паршивее. – Бруно Сёднигусто зашел в воду по пояс и, закрыв глаза, издал протяжный вздох удовлетворения, а затем кивнул в сторону фелюги: – Вам лучше подняться на борт: прилив почти достиг верхней точки, и нам будет легче выбраться отсюда, если я буду толкать.

Они согласились, понимая, что это более разумное решение, чем пытаться лавировать на таком ограниченном пространстве с помощью весел. Поэтому спустя десять минут – пару раз чуть не перевернув шлюпку – они уже плыли по непривычно спокойному морю в метрах двадцати от берега.

Тут им опять пришлось вычерпывать воду, упершись ногами в борта и что было сил надавливая на куски ткани, ко-

которые они воткнули между досками – там, где те больше всего отошли друг от друга, – чтобы вода не хлынула внутрь. Двое из них гребли усердно, как только могли, в то время как третий своей единственной работающей рукой отчаянно пытался черпать воду.

Снова появились дельфины, они прыгали впереди шлюпки, словно желая ободрить людей.

Над головой кружили чайки. Птицы с пронзительными криками сцеплялись друг с другом, словно спорили, добьются ли мореплаватели успеха или потерпят неудачу.

Их жизнь в очередной раз зависела от них самих, и они не желали ее потерять.

В конце концов, это было единственное, что у них осталось.

Они гребли и гребли и больше ни на что, кроме мерного движения весел, не обращали внимания, пока не достигли выступа утеса, они обогнули его – и вот тут океан неожиданно повел себя почти как горное озеро.

Только тогда они решили сделать короткую передышку.

В глубине широкой бухты просматривалось устье ущелья, на склонах которого открывались проемы пещер.

С берега за ними наблюдали десятка два мужчин, женщин и детей.

– О ней столько сказано и написано, что, если пытаешься что-то добавить, в голову лезут либо банальности, либо нелепые оправдания: мол, какой спрос с неудачника, кото-

рый оказался настолько непригоден к делу, что случившееся с ним никак нельзя отнести за счет невезения. Тот, кто с ней незнаком, упорно отрицает ее существование, однако человек, ощутивший на себе силу ее дыхания, признает, что это бесспорно единственное по-настоящему непобедимое чудовище.

– Кого ты имеешь в виду?

– Любовь.

– Любовь? – переспросил монсеньор Касорла, нахмутив брови в знак неодобрения. – Любовь всегда будет Господним благословением и никогда «по-настоящему непобедимым чудовищем».

– Случается, что река, дающая нам жизнь, выходит из берегов или огонь, который нас согревает, перекидывается на лес. Точно так же страсть, которая наполняет нас счастьем, все растет и растет, питаясь своими соками, – и в результате в мире не остается никакого иного горизонта, кроме любви. В такой момент ты перестаешь быть собой и превращаешься в совсем другое существо, состоящее из двух частей, хотя на самом деле они есть одно целое.

– Я пытаюсь уловить нить твоих мыслей, но у меня появляется странное ощущение, что ты уходишь от темы... – только и мог сказать прелат, воткнув чайную ложечку в аппетитное пирожное из смоквы и не отводя взгляда от лица своего старого друга. – С чего это вдруг ты пустился в рассуждения о достоинствах и недостатках любви, если меня инте-

ресует, как тебя встретили островитяне, когда ты оказался в столь тягостном положении? – Просто мир может быть таким огромным, населенным, чудесным, ужасным, справедливым, несправедливым, приветливым и жестоким, да каким угодно, и вдруг происходит чудо – и все сходится в одной точке, в одном-единственном человеке, в глазах, которые впервые тебя видят и говорят тебе о том, что они будут существовать, только чтобы глядеть на тебя и чтобы ты глядел в них.

– Глупости!

– Как может человек, посвятивший себя Богу, считать глупостями то, что по сути является кульминацией главного творения Создателя? – чуть слышно произнес хозяин дома, словно замечание на самом деле показалось ему возмутительным. – Любой может насыпать гору, маленькую или большую, даже вырыть море, маленькое или большое, однако лишь Господь способен сделать так, что мужчина и женщина, впервые увидевшие друг друга, осознают, что они родились друг для друга, пусть даже на расстоянии тысячи лиг.

– Признаю свою некомпетентность в этой области, – вынужден был сказать арагонец с улыбкой, которая должна была означать просьбу о прощении. – Я чувствую себя увереннее в области политики, где правит не любовь, а ненависть и где все знают, что существуют не один для другого, а скорее один против другого.

– Мне тебя жаль.

– Не стоит меня жалеть, ибо тем, кто занимается политикой, с самого начала известно, в какую игру они ввязываются: здесь правят жадность, амбиции, ложь, предательство и нелюбовь. Так что, поскольку мы морально подготовлены, ничто не может ранить нас слишком сильно, – спокойно ответил прелат с невозмутимостью человека, принимающего жизнь такой, какая она есть. – Признаюсь, что на нынешнем этапе жизни меня скорее смутит добрый поступок, нежели удар кинжалом, но это к делу не относится. Что же все-таки произошло, когда ты ступил на тот далекий берег?

– Это случилось еще до того, как мы добрались до берега. Я увидел ее, едва мы попали в бухту: она стояла на скале с длинным копьём в руке, на конце которого трепыхалась только что выловленная рыбина. И, уверяю тебя, она была прямо сама – да простится мне такое сравнение – Дева Мария, вознесшаяся на пьедестал, на фоне голубого неба и белого облака. Тут наши взгляды встретились, и в тот самый момент мы оба поняли, что будем любить друг друга до конца дней. Прошло уже почти сорок лет, а я все еще продолжаю ее любить.

Монсеньор Алехандро Касорла не сразу решил что-то сказать. Его впечатлили не только слова, которые он только что услышал, но, прежде всего, та страстная искренность, с которой они были произнесены. Именно благодаря ей он начал понимать, по какой причине бравый офицер, сделавший блестящую карьеру, один из самых молодых генералов сво-

его времени, удостоенный огромного количества наград, да вдобавок еще и обладатель значительного семейного состояния, отказался вступать в какие-либо романтические отношения, несмотря на то что у него была возможность подыскать себе жену среди первых придворных красавиц, о любви которых можно было только мечтать.

Многие недоумевали, почему он не прибег к посредничеству королевы, которая его высоко ценила; ведь пожелай он выбрать себе спутницу жизни среди самых утонченных фрейлин, она отнеслась бы к этому в высшей степени благосклонно.

«Ах, генерал, генерал! – как-то раз со всей откровенностью высказала она ему. – Почему вы так упорствуете? Почему позволяете исчезнуть вашему роду? Короне нужны дети, которые бы защищали наших детей так же, как вы защищали нас».

Так это и есть ответ?

– Расскажи мне о ней! – наконец попросил он.

– Что я могу тебе сказать, ведь, по твоему же собственному признанию, тебе не довелось испытать, что чувствует человеческое существо, встретившись с тем, кого Создатель предназначил ему даже раньше, чем начал рисовать звезды? – ответил генерал, который словно погрузился в колодец воспоминаний с очень чистой, но в то же время страшно горькой водой. – Она была самым удивительным существом из всех, когда-либо приходивших в этот мир. Внешне

столь же прекрасная, как сама Венера, только-только вышедшая из пены морской. Но в то же время она вся лучилась таким внутренним светом, что даже солнце, которое в тот момент отражалось в море, казалось, отдавало ей дань почтения. Увидев меня, она вроде бы и не удивилась, будто находилась в том месте с незапамятных времен, зная, что рано или поздно я появлюсь, чтобы стать частью ее жизни.

– Страстное описание, ей-богу!

– Жалкое, по сравнению с действительностью, уверяю тебя, ибо тут нужен гений Данте, воспевшего Беатриче, или Петрарки, с его восторгами перед добродетелями Лауры, чтобы хотя бы приблизительно описать, какой была Гарса и что она для меня значила и продолжает значить, когда большая часть жизни уже прожита. – Гарса!⁷ Красивое имя, что и говорить.

– Так я окрестил ее в тот момент, когда увидел у кромки воды с рыбиной в руке, и правильно сделал, потому что человек, не говорящий на языке островитян, не в состоянии произнести ее настоящее имя. Как и арабский, этот язык временами кажется слишком уж гортанным.

– А как же ты с ней объяснялся? – поинтересовался монсеньор Касорла.

– Нелепый вопрос, мой добрый друг! – насмешливо прозвучало в ответ. – Весьма нелепый, его способен задать только тот, кто не знает, что для настоящих влюбленных не су-

⁷ Гарса (исп. «garza») в переводе значит «цапля».

ществует языков. Взгляд, жест, простое прикосновение руки выражают больше, чем все слова, которые содержит в себе серьезнейший ученый труд по истории Рима, за чтением которого ты застал меня сегодня утром.

– Да ты прямо поэт.

– Нет такого сонета, который был бы достоин красоты Гарсы, никакой одой не передать, как она была нежна.

– Даже на солнце есть пятна!.. – запротестовал арагонец, коротко хмыкнув. – Ты просто источаешь елей. Ладно, допустим – хотя это непросто сделать, – что твоя возлюбленная была такой, как ты описываешь. Что же произошло дальше?

– Как только мы очутились в бухте, туземцы приняли нас за призраков, ведь накануне они были свидетелями того, как шлюпка с тремя чужестранцами на борту неожиданно появилась из-за ряда скал, однако ветром и течениями ее начало относить в открытое море. Большую часть ночи островитяне следили за огоньком, удалявшимся в глубь бесконечного, как они тоже думали, океана. Когда они уже решили, что эта чудовищная масса воды, перед которой они испытывали ужас, поглотила несчастных, та же самая шлюпка – поскольку, честно говоря, фелюги были похожи как две капли воды – с тремя пассажирами на борту вдруг оказалась у них в бухте. Позже я обнаружил, что они были убеждены: мы и есть те люди, в силу чего нас с первого же момента сочли сверхлюдьми, и это, конечно, сослужило нам добрую службу. Достаточно сложно жить с богами, поскольку все время

ждешь какого-нибудь чуда. Совсем другое дело – с людьми, которыми ты восхищаешься, полагая, что они сумели победить море и ветер, показав пример мужества.

– А вы ведь и правда его продемонстрировали... – напомнил ему арагонец.

– Да какое там! Выходило, что после полуночи мы исчезли вдаль, а утром вернулись назад, гребя как ни в чем не бывало. Уверяю тебя, что в представлении островитян, которые на протяжении истории никогда не плавали и не построили ни одного судна, это было настоящим подвигом.

Монсеньор Алехандро Касорла, с удовольствием съевший все – до последней крошки – пирожное из смоквы, несколько раз тряхнул головой, точно его внезапно посетила какая-то мысль, и, наставив на собеседника не раз облизанную ложечку, произнес:

– Точно-точно, эта деталь все время не давала мне покоя, и, сколько я ни спрашивал, никто не сумел дать мне удовлетворительный ответ. – Он сделал короткую паузу, перед тем как поинтересоваться: – Так почему на Канарах не строят лодок, чтобы поддерживать сообщение и вести торговлю между островами, которые находятся в пределах видимости?

– Не существует единого объяснения – их несколько, и, на мой взгляд, они вполне логичны.

– А именно?..

Генерал Гонсало Баэса подал легкий знак своей заботливой кухарке, чтобы та предложила гостю новую порцию де-

серта и рюмку вишневого ликера, а затем отогнул большой палец:

– Первое основывается на том, что за неимением металлов канарцы не обладали инструментами, столь необходимыми для постройки надежных судов: топорами, пилами, теслами, рубанками, молотками. Единственным их достижением были неуправляемые плоты из бревен или надутых меховых бурдюков.

– Такие использовались на Средиземном море.

– Народы Средиземного моря славятся замечательными мореходами, однако их небольшое и спокойное море – просто утиный пруд в сравнении с этим огромным и яростным океаном. Ветры зачастую непредсказуемы, а течения между островами похожи на реки, безвозвратно уносящие лодки в никуда, я сам был тому свидетелем. Предполагаю, что каким-нибудь смельчакам удалось добраться до соседнего острова, но совершенно точно, что господствующие течения не позволили им вернуться обратно.

– Действительно, стоит взглянуть с этого утеса и увидеть, как волны бьются там, внизу, прямо-таки кровь стынет в жилах, – согласился прелат, собирающийся насладиться очередной доброй порцией пирожного из смоквы. – А этот грохот!..

– Вторая – и не менее важная – причина заключается в том, что каждый остров, в особенности пять западных, обходился своими силами в обеспечении жителей всем необ-

ходимым. К тому же, похоже, осуществлялся жесткий контроль над рождаемостью с целью сдержать рост населения, дабы не подвергать риску сохранность всего сообщества.

– Что-то такое я слышал. Как они этого достигали?

– Я так и не узнал, но что важно – они располагали всем, что им было нужно, поддерживали равновесие с окружающей средой и никогда не проявляли склонности к излишествам. – Хозяин дома согласился, чтобы Файна налила рюмку вишневого ликера и ему тоже, попробовал его и добавил: – Впоследствии мне представился случай убедиться в том, что для первобытных племен весьма характерно знание того, какое число членов должно жить на определенной территории, бережное отношение к среде обитания и умение не выходить за рамки ее возможностей их накормить.

– Но ведь это идет вразрез с желанием Создателя, который наказал: «Плодитесь и размножайтесь».

– Ну, а я считаю, что не мешало бы уточнить, до какой степени следует размножаться, потому что довольно часто из-за чрезмерного увеличения числа обитателей появляется потребность завоевывать новые территории, а значит, начинать войны. К счастью, здесь ни один из островов не был поставлен в необходимость подчинять себе соседний, и, поскольку им было нечем торговать, так как все производили практически одно и то же, было глупо рисковать превратиться в корм для рыб. Если они были счастливы у себя дома, значит, ничего не потеряли за его пределами.

Вопрос, который вслед за этим задал прелат, таил в себе подтекст, не оставшийся незамеченным его сотрапезником:

– По-твоему, они были счастливы?

– Полагаю, что по-своему они были счастливы – до того дня, когда мы предложили им ожерелья, ткани, зеркала и множество предметов, которые им были не нужны, но постепенно превратились в такие, без которых не обойтись, что породило зависть, высокомерие и жадность. А это, в свою очередь, привело к раздорам, воровству и даже смерти, и все пошло к чертовой матери.

– Полегче, мой генерал!

– Молчи, женщина, не надоедай, ведь я рассказываю о том, о чем тебе известно лучше, чем кому бы то ни было, ведь ты все это испытала на собственной шкуре!

– Это точно.

– Уж не хочешь ли ты этим сказать, что мы плохо сделали, когда приобщили их к цивилизации и истинной вере? – поинтересовался монсеньор Касорла.

– Конечно! Или, быть может, ты считаешь, что лучше быть проданным на невольничьем рынке, чем жить без ожерелий или зеркал?

– А слово Божье?

– Да ладно тебе, Алехандро! – бросил генерал в лицо другу. – Ты знаешь так же хорошо, как и я, что слово Божье лучше воспринимается в далеких джунглях, когда тебе нечем прикрыть наготу, нежели в шитой золотом рясе перед глав-

ным алтарем Бургоса. Дело не в слухе, дело в сердце.

— Возможно... — нехотя признал тот, к кому он обращался. — Но я не думаю, что это подходящий момент, чтобы вступать в дискуссию такого рода; пора узнать, что же случилось, когда вы добрались до берега.

* * *

В их глазах читалось восхищение, уважение, а может, даже сострадание, поскольку трое оборванцев, выбравшихся из полуразвалившейся шлюпки, являли собой действительно жалкое зрелище и не имели ничего общего с надменными вояками в блестящих доспехах, которые четыре дня назад сошли на берег не так далеко отсюда.

Один хромой, другой однорукий и третий, мучимый геморроем, все в ссадинах и царапинах и в одних только грязных и изодранных штанах, поскольку остальной одеждой были заткнуты протечки в дне шлюпки, совсем не походили на конквистадоров. Ребятня, обступившая пришельцев со всех сторон, с успехом могла загнать их обратно в море, швыряя в них кокосами.

Пока островитяне вытаскивали шлюпку, женщины поспешили на помощь раненым. Впрочем, стоило той, которую лейтенант успел мысленно окрестить Гарсой, приблизиться к человеку, давшему ей это имя, как все расступились, словно почувствовали, что эти двое были отдельным миром, в

котором больше никому не находилось места.

Не только любящие узнают друг друга по одному лишь взгляду, порой и от посторонних это не скрыть. А в данном случае это настолько бросалось в глаза, что никто из присутствующих не отважился встать между ними.

Вот так Гонсало Баэса попал в заботливые руки той, которой предстояло стать его госпожой и рабой до конца дней, отмеренных каждому из них.

Бывает, случается нечто необъяснимое, а никакие объяснения и не нужны.

Случилось – и все тут.

В истории бывало и так, что великие империи терпели крушение по причине неодолимого влечения, которое испытывал мужчина к женщине. И точно так же из-за неодолимого влечения женщины к мужчине завоевывались целые королевства.

Но когда это чувство оказывалось взаимным, крах империй или завоевание королевств мало что значили, потому что влюбленных волновала их собственная вселенная.

Во всякую минуту своего пребывания на земле Гонсало Баэса отдал бы все, что у него было, ради того чтобы вернуть волшебный миг, когда девушка впервые склонилась над ним, протянула руку и слегка коснулась его щеки.

Волна наслаждения пробежала по его телу, от распухшей лодыжки до корней волос; это было пока лишь смутное предвестие великого множества чудных мгновений, ожидавших

его впереди.

Как он сам скажет много лет спустя: «Тот, кто с ней незнаком, упорно отрицает ее существование, однако человек, ощутивший на себе силу ее дыхания, признает, что это бесспорно единственное по-настоящему непобедимое чудовище».

Страсть и любовь могут считаться разными чувствами, однако в особых и очень редких случаях они переплетаются настолько тесно, что не существует человеческой силы, способной отделить их друг от друга и даже разграничить.

Именно это и произошло в то утро на покрытом вулканическим песком берегу самого дальнего из известных островов.

Нагнувшись над зеркальной гладью с длинным копьём в руке, девушка внимательно следила за рыбами, собравшимися вокруг приманки, которую она кинула в воду, и, ловко проткнув ту, что была всех крупнее, выпрямилась, намереваясь швырнуть ее в лужу, в которой еще били хвостами уже выловленные. В этот момент она подняла голову, увидела Гонсало Баэсу – и в мгновение ока из девочки превратилась в женщину.

Пришелец проник в нее с такой нежностью, с какой впоследствии проникнет бесчисленное множество раз, и она возблагодарила богиню Монейбу, почитаемую женщинами и соизволившую выбрать ее в вечные спутницы человеку, который, при всем своем плачевном состоянии, показался ей

просто фантастическим существом, о каком она в отрочестве не смела и мечтать.

Ей было неважно, что он хромает, что ладони сбиты в кровь, а лицо, грудь и спина покраснели от яростного солнца, которое безжалостно его отхлестало. Ничего из этого не имело значения, потому что она знала, что под столь жалкой оболочкой скрывается отец ее детей.

Дело в том, что бабушка не раз объясняла ей, что дети, спящие в самой глубине утробы женщины, приходят в волнение и покусывают ее внутренности, когда предчувствуют приближение человека, который пробудит их к жизни.

Когда она впервые наклонилась над Гонсало Баэсой и погладила его по щеке, дети, которые могли бы родиться, запрыгали от радости у нее внутри.

В этот момент ее мать, которая внимательно за ней наблюдала, поняла, что потеряла дочь и обрела подругу.

Ее первым порывом было взять дочь за руку, отвести к кромке воды и растолковать, какому риску она подвергнется, отдавшись чужаку. Впрочем, она, похоже, почти тут же поняла, что все ее увещания окажутся бесполезными, так как перед ней была уже не девушка, которой она могла что-то советовать, а женщина, которая только что избрала тернистый путь.

«Когда двое, которые по-настоящему любят друг друга, идут по жизни рука об руку, горести делятся пополам, а радости приумножаются».

Кому-кому, а ей это было прекрасно известно, потому что она со своим спутником проделала долгий путь, где всего хватало – и дней горя, и ночей удовольствия. Им трижды довелось изведать небывалое счастье зачатия ребенка и страшное горе, когда пришлось увидеть, как он умирает у них на руках.

Поэтому она ограничилась тем, что помогла дочери перенести раненого в пещеру, в которой они жили, и оставила их вдвоем. Она была не в состоянии понять, что же все-таки чувствовала в этот момент – радость или печаль.

Глаза чужеземца цвета моря, каким оно бывает в тихие рассветы, словно вопрошали, почему она ведет себя так, будто все знает наперед.

А Гонсало Баэсе и ни к чему были слова: он бы все равно их не понял, – чтобы узнать, что творится у нее в голове. Это могло бы показаться нелепостью, но он испытывал странное ощущение, будто все случившееся в этот суматошный день он уже пережил ранее.

С того самого дня, когда лейтенант решил изменить течение своей жизни и отправился на незнакомый остров, у него было предчувствие, что должно произойти что-то необычное. Хотя он и вообразить себе не мог, что это действительно будет настолько ни на что не похоже и приключится с ним на самом краю света.

Он добрался туда, куда должен был добраться, и поэтому ему, обессилевшему в результате всех злоключений, остава-

лось только закрыть глаза и предаться отдыху.

* * *

– Что будем делать, мой лейтенант?

– Не имею ни малейшего представления.

– Теперь щиколотка больше смахивает на гнилую дыню, нежели на спелый баклажан, но у меня такое впечатление, что в конце концов все утрясется.

– Это всегда утешительно слышать, особенно от тебя. Как там Амансио?

Бруно Сёднигусто ограничился тем, что несколько раз постучал пальцем по лбу: мол, что тут скажешь?

– С рукой по-прежнему дело дрянь, но хуже всего то, что у него поехала крыша: он часами глядит на горизонт в уверенности, что брат вернется. Кто-то мне рассказывал, что вот так глядеть на горизонт в ожидании возвращения кого-то из семьи прямо-таки у галисийцев в обычае.

– Это, наверное, у тех, кто из Виго или Ла-Коруньи, но не из Луго... – заметил его командир. – А Амансио – из Луго.

– А это тут при чем?

– В Луго нет моря, дурья башка.

– Боже ж ты мой! Вот ведь правду говорил мой отец – в армии каждый день узнаешь что-нибудь новое. Ладно, пускай в Луго нет моря, зато здесь его хоть отбавляй, а в нашей шлюпке дыр побольше, чем в сердце ростовщика. Как же мы

отсюда выберемся? – Полагаю, пешком, когда будем в состоянии это сделать, – последовал спокойный ответ того, кто явно не горел желанием продолжить незадавшееся путешествие. – Как там твои шишки?

– Еще болят, но морская вода им на пользу – через пару дней буду как огурчик. И со всем моим уважением заявляю, что, если вам охота задержаться здесь подольше, с моей стороны нет никаких возражений: чем больше времени я проведу вдали от сержанта Молины, тем лучше.

– Я думал, тебе нравится армия.

– Армия начинается с сержанта и выше, мой лейтенант, все остальные – «чертовы рекруты». Кому в здравом рассудке это понравится: сидишь себе спокойно дома, и вдруг на тебе – являются какие-то вооруженные до зубов люди и уведут тебя с собой под тем предлогом, что ты обязан послужить королю. Моему деду пришлось служить четверым, в том числе одному мавру. Что это за армия, которая заставляет тебя сражаться с собственными соотечественниками?

– Да такая, что действует по прихоти политиков: известно же, что им переметнуться на другую сторону – все равно что рубашку переменить... – Раненый сделал выразительный жест рукой: мол, разговор затеян не ко времени, – и действительно это было так. – Что ты думаешь об островитянах? – поинтересовался он.

– Хорошие люди, порядком отстали от нас, но никому не способны причинить вреда. В конце концов, у них есть яч-

мень, фрукты, скот и рыба, они вполне могут в ус себе не дуть. Поэтому не вижу причины, по которой они стали бы усложнять себе жизнь, портя кому-то кровь. Это как раз то, чего я всегда желал: жить с Маримир.

– Кто такая Маримир? Невеста из твоей деревни?

Собеседник не смог удержаться и хмыкнул, довольный, что офицер попался на его нехитрую удочку.

– Это не моя невеста... – объяснил он. – Море- и-мир – это то, что есть здесь: море, в которое можно окунуться, и мирная жизнь, когда никто не будит тебя в шесть утра, чтобы послать чистить уборные. Думаю, если бы я встретил такую невесту, как Гарса, я был бы не прочь навсегда остаться в этом уголке мира.

– Гарса мне не невеста... – поспешно поправил его командир. – Она всего лишь за мной ухаживает. – Да ладно вам, лейтенант, не считайте меня глупее, чем я есть! – бросил ему подчиненный, явно забывшись. – Даже козы заметили, что вы без ума друг от друга, и, по-моему, это здорово, потому как если верить брату Бернардино и наша задача – приобщить туземцев к вере и культуре, то лучше уж добиться этого лаской, нежели таской.

– В этом ты совершенно прав, что я еще могу тебе сказать... – вынужден был признать его собеседник.

– Спасибо и на том. Я лишь бедный, темный невежда, а все же понимаю, что если нам предстоит стать с островитянами единым народом, то мы просто обязаны как можно ско-

рее вступить в связь с их женщинами.

– Эх куда тебя занесло!

– Вовсе нет: ведь пройдет еще несколько лет, прежде чем сюда прибудут наши женщины, а так как вдобавок они имеют обыкновение чертовски ломаться, то не скоро сойдутся с теми, кого считают дикарями.

– Если подумать, здесь ты снова прав.

– Плохо то, что я знаю своих товарищей по оружию, и кое-кто из них – отпетые негодяи.

– Например?..

– Не тяните меня за язык, лейтенант, не тяните меня за язык: что-то мне подсказывает, что путь предстоит долгий – успеем еще разобраться, кто чего стоит в этой истории.

Гонсало Баэса с сомнением взглянул на него и, нахмутив брови, сжал зубы, потому что в этот самый момент лодыжку пронзила боль. Он подождал, когда она утихнет, и только тогда спросил:

– Вероятно, тебе известно нечто такое, чего я не знаю?

– В казарме, если кто-то не знает того, что знают остальные, ему приходится туго, а если знает и рассказывает не ко времени, еще хуже... – последовал циничный ответ. – Сейчас важно вылечить вашу ногу, потому что, как я понял, нам приказано начертить карту острова, и неважно, сколько времени для этого понадобится... Разве не так?

– Так... – согласился раненый, словно вдруг осознал, какая перед ним на самом деле стоит задача. – И раз уж ты

об этом напомнил, надо бы мне начать работать, пока не забылись подробности. Принеси-ка мои рисовальные принадлежности, и пусть Амансио поможет тебе соорудить для меня стол в тени вон тех деревьев.

– Казалось бы, что тут такого: сел рисовать берега острова, его утесы, пляжи, пещеры, хижины и их обитателей, – тем не менее столь незначительное событие может полностью изменить судьбу человека и смысл всей его жизни.

Они только что расположились в бело-зеленой беседке, куда монсеньор Касорла предусмотрительно захватил бутылку вишневой настойки и рюмку, и, едва смочив губы (было очевидно, что на самом деле ему больше нравится сладкий вкус напитка, а не крепость), он шутливо заметил:

– Я пойму, если ты мне это растолкуешь, или же ты гений живописи, что каким-то образом прошло мимо меня. – Да тут и не требовалось быть гением. Люди, не знакомые с краской и бумагой, пришли в изумление, когда я вдруг изобразил свинью, дельфина, осьминога или когда из-под моей руки появлялось лицо ребенка, которое иногда – уверяю тебя, что лишь иногда! – имело некоторое сходство с оригиналом.

– Это можно понять, – вынужден был признать арагонец уже другим тоном. – Мы, как правило, не осознаем, какую ценность могут иметь такие простые вещи, как клочок бумаги или чернила, необходимые для того, чтобы отправить послание, пока они нам не потребуются. Возможность общаться посредством рисунка или письма считается – и, по моему

скромному разумению, совершенно справедливо – одним из наиглавнейших достижений в процессе эволюции человека.

– Я как будто открыл дверь, отделявшую мой мир от мира Гарсы. Главным образом благодаря тому, что она почти с первого момента проявила редкую способность – куда уж мне до нее – передать несколькими штрихами то, что чувствовала или хотела... – Гонсало Баэса вынул из нагрудного кармана старый кожаный бумажник, а из него – небольшой пожелтевший клочок бумаги, который, сразу было видно, он разворачивал и складывал уже тысячи раз, и при этом сказал, словно речь шла о постыдном секрете: – Вот таким она меня видела...

Его старого друга пробила легкая дрожь, природы которой он не понял, и, чрезвычайно бережно взяв в руки драгоценную реликвию, он обратил внимание на то, с какой любовью был выполнен портрет гордого юноши, лицо которого словно лучилось счастьем.

– Ей бы хорошего учителя и немного практики – и она могла бы стать великой художницей, – совершенно искренне согласился собеседник. – Хотя я считаю, что она рисовала не столько твое лицо, сколько твои чувства.

– Это заметно, правда? – отозвался генерал, вкладывая лист в бумажник. – Она как раз сообщила мне, что беременна, – вот откуда моя радость, которая сочится из всех пор. Я часто представлял себе, что этот ребенок, зачатый на первом берегу, оказавшемся на пути у волн, которые пересекли

океан, придя неизвестно откуда, явится первенцем новой расы и унаследует достоинства обеих наших. А мы, его родители, позаботимся о том, чтобы ему не передались недостатки ни той, ни другой... — Он сделал короткую паузу, устремил взгляд на заснеженную вершину вулкана, которая уже начала облачаться в наряд из вечерних облаков, и с горькой усмешкой добавил: — Глупая мечта, которой никогда не суждено осуществиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.